

УДК 821.161.1-1.Цветаева«19»

Светлана Фокина

**АВТОРСКАЯ СИМВОЛИКА В СТИХОТВОРЕНИИ
М. ЦВЕТАЕВОЙ «ЛЮТНЯ»**

В статье внимание сосредоточено на осмыслении процесса смыслопорождения в лирическом послании М. Цветаевой «Лютня». Представлен поливалентный анализ авторской символики в тексте. Выявлены авторские коды в смысловой структуре стихотворения.

Ключевые слова: авторская символика, авторские коды, лирическое «я», цветаевский миф, Лютня, Давид.

У статті увага зосереджена на осмисленні процесу смислопородження в ліричному посланні М. Цветаєвої «Лютня». Представлено полівалентний аналіз авторської символіки в тексті. Виявлені авторські коди в смисловій структурі вірша.

Ключові слова: авторська символика, авторські коди, ліричне «я», цветаєвський міф, Лютня, Давид.

In the article attention is concentrated on the comprehension of process of sense-generation in the lyric message of M. Tsvetaeva «The Lute». The polyvalent analysis of authorial symbolity is presented in text. Authorial codes is educed in the semantic structure of poem.

Key words: authorial symbolity, authorial codes, lyric «ego», myth of M. Tsvetaeva, the Lute, David.

Актуальность поставленной проблемы обусловлена интересом современного литературоведения к авторскому миру и его многоуровневым проявлениям. Одним из таких проявлений является феномен авторской символики.

Говоря о символике в художественной системе М. Цветаевой, следует отметить, что смысловым центром этой системы предстает феномен творца, наделенного песенным даром и магическими способностями. При этом поэт предстает в цветаевском мире страдающим. Именно страдание и утраты обеспечивают силу творческого потенциала, лишая радости бытия. В этом аспекте показательно стихотворение М. Цветаевой «Лютня», лирический сюжет которого центрирует мотив «сорванного голоса».

Следует отметить, что «Лютня» несмотря на свою значимость в истолковании темы вдохновения, переходящего в

одержимість, практично не включена в поле пошуку цвѣтаєвѣдѣв. В «Бібліографії по читанню, аналізу і інтерпретації поетических текстѣв М. І. Цвѣтаєвої», складаній Е. Кудрявцевої, роботи, присвячені розгляду цього тексту, не згадані. В періодических наукових виданнях і конференціях, присвяченіх М. Цвѣтаєвої, цінні дослідження даного твору також не представлені. Лише в монографії І. Шевеленко вскользь відзначено, що «Лютня» входить в групу віршів, адресованих Б. Пастернаку.

Цель данной статьи — поливалентный анализ авторской символики в стихотворении «Лютня».

В соответствии с заявленной целью намечены следующие **задачи**:

- рассмотреть включение символики в смысловую структуру стихотворения;
- проследить как традиционная символика трансформируется в ментальном универсуме поэтессы;
- интерпретировать авторские символы в контексте цвѣтеского мифа.

Исходя из положения, что символы — «особые выражения жизни сознания» [5, с. 16] и «любая содержательность символа выступает как **совершенно пустая оболочка**, внутри которой конституируется и структурируется только одно содержание, которое мы называем «содержательностью сознания» [5, с. 85], можно заключить следующее. Моделированию символики авторским сознанием способствует наличие в тексте авторских кодов, которые трансформируют традиционную символику и благоприятствуют зарождению символики непосредственно авторской. Авторские коды, будучи устойчивой связью «определенных признаков с определенными смыслами» [8, с. 48], активизируют процесс смыслопорождения и могут расцениваться как показатели ментального универсума.

В авторском мире М. Цвѣтаєвої обращение к феномену поэта, как правило, имплицитно включает в смысловую структуру ее произведений коды и отсылки к орфическому мифу. Согласно утверждению О. П. Хейсти, для М. Цвѣтаєвої «Орфей стал <...> прототипом поэта, воплощением той таинственной

власти, которая вновь и вновь возрождается в поэтах разных стран и времен» [13, с. 8].

В стихотворении «Лютня» М. Цветаева обращается к мифу о Давиде, вернее той его части, что представляет героя певцом, способным завораживать. Эта ипостась Давида, воплощая мифологему поэта, сближает его с Орфеем.

*Лютня! Безумица! Каждый раз,
Царского беса вспугивая:
«Перед Саулом-Царём кичась»...
(Да не струна ж, а судорога!)*

*Лютня! Ослушница! Каждый раз,
Струнную честь затрагивая:
«Перед Саулом-Царём кичась —
Не заиграться б с аггелами!»*

*Горе! Как рыбарь какой стою
Перед пустой жемчужницею.
Это же оловом соловью
Глотку залить... да хуже ещё:
Это бессмертную душу в пах
Первому добру молодцу...
Это — но хуже, чем в кровь и в прах:
Это — сорваться с голоса!*

*И сорвалась же! — Иди, будь здрав,
Бедный Давид... Есть пригороды!
Перед Саулом-Царём играл,
С аггелами — не игрывала!*

14 февраля 1923

[9, с. 167]

Замена Орфея Давидом обретает знаковую природу. Орфей воплощает одухотворенность и страдание, Давид же — избранность в осуществлении высшей воли. М. Цветаевой импонирует быть «противу всех» [9, с. 10] и этот моральный императив задает особенности истолкования темы Давида.

Необходимость завораживать определяет развитие лирического сюжета, отсылая к истории о юном Давиде, своей игрой отгонявшем от царя Саула злых духов. Согласно библейской традиции, избавляя царя Саула от аггелов, Давид играл на гус-

лях: «И когда дух от Бога бывал на Сауле, то Давид, взяв гусли, играл, — и отраднее и лучше становилось Саулу, и дух злой отступал от него» [3, с. 308].

Своеобразие авторского переосмысления мифа о Давиде обусловлено вниманием к лютне. Заменяя инструмент на лютню, М. Цветаева совершает важную смысловую переориентировку. В ряде случаев в христианской культуре лютня осмысливается как аналог орфеевой лиры. «Символизм Орфея и его лютни использовался в первые века н. э. для изображения последователей Христа и Евангелия. Как Добрый Пастырь — Христос укрощает человеческие страстные желания (символ которых дикие звери), так и Орфей в Древней Греции был посредником между Богом и человеком, а его лютня олицетворяла гармонию и примирение природных сил» [12]. Семиотический статус лютни в цветаевской символике трансформируется и расширяется. Лютня становится не только эквивалентом лиры — знака сопричастности творчеству, но и воплощением Музыки и женской сущности.

В цветаевском поэтическом универсуме непосредственно лира фигурирует в следующих поэтических текстах: «Искательница приключений...» (1916), «Руки, которые не нужны...» (1918), «Так, высоко запрокинув лоб...» (1918), «Надобно смело признаться. Лира!..» (1918), «Та ж молодость, и те же дыры...» (1920), «Так плыли: голова и лира...» (1921), «Лира, лира, лебединый загиб!..» (1921), «Душа» (1923), «Небо — синей знамени!» (1935). Но именно орфеева лира появляется лишь в стихотворении 1921 года «Так плыли: голова и лира...», в котором явлена слиянность Орфея и лиры — невозможность их отдельного существования:

Так плыли: голова и лира,
Вниз, в отступающую даль.
И лира уверяла: мира!
А губы повторяли: жаль!
Крово-серебряный, серебро-
Кровавый след двойной лия,
Вдоль обмирающего Гэбра —
Брат нежный мой, сестра моя! [9, с. 68]

В осмыслении М. Цветаевой Орфей и лира неразрывны, даже после буквальной растерзанности остаются едины. В стихотворении же «Лютня» 1923 года — Лютня не едина с Давидом и даже не равна ему. Без лютни Давид утрачивает свою избранность и магический дар врачевать и завораживать:

И сорвалась же! — Иди, будь здрав,
Бедный Давид... Есть пригороды!

Лютня становится центром одноименного стихотворения, Давид же предстает на заднем плане. Инструмент и исполнитель меняются местами: Давид для Лютни возможность и средство воплощения. При этом Давид не является духом Лютни, которая способна существовать вне его.

Лирический сюжет «Лютни», допуская «...различные варианты интерпретации голосов и распределения ролей» [2, с. 99], строится как скрытый диалог между Давидом и Лютней. При этом послание подразумевает элемент исповедальности и доминирование потока сознания лирического «я» — в данном случае явленного в образе лютни.

Характерно, что символика, связанная с изображением «страсти, **состояния души** <...> именно в силу этого и может оцениваться по-разному в зависимости от ситуации и адресата» [6, с. 219] и обладает наиболее высокой степенью поливалентности.

Мотив «сорванного голоса» определяет статус Лютни. Надрывность поэтического дискурса отражает трагичность, но в то же время странную заманчивость предельного срыва:

Лютня! Безумица! Каждый раз,
Царского беса вспугивая:
«Перед Саулом-Царём кичась»...
(Да не струна ж, а судорога!)

В первой же строке Лютня названа Безумицей. По мысли А. Ж. Греймаса и Ж. Фонтанья, авторов «Семиотики страстей», при достижении «некоторой стабильности, любая фигура страсти, которая может вернуть <...> в первоначальное состояние, считается чрезмерной» [1, с. 195]. Чрезмерность отвечает ценностной парадигме Лютни и проявляется как «деструктивное нарушение равновесия» [1, с. 195]. Именно Лютня посред-

ством игры Давида способствует избавлению царя Саула от аггелов. Одержимого освобождает *Безумица*, каждый раз подвигаясь опасности «заиграться»:

Лютня! Ослушница! Каждый раз,
Струнную честь затрагивая:
«Перед Саулом-Царём кичась —
Не заиграться б с аггелами!»

Поэтессе важно акцентировать зависимость Давида и от господнего изволения, и от Лютни, которая в противовес ему оказывается *ослушницей*. Лютня не подчиняется и стремится преодолеть сдерживающие рамки, задаваемые Давидом — исполнителем высшей воли. Такая линия фиксирует сопричастность Лютни стихии, знаменуя невозможность избежать срыва.

Не менее важна для М. Цветаевой и другая сторона символики Лютни, связанная с любовной эмблематикой. Семиотическая парадигма способствует взгляду на лютню как воплощение «самой Музыки и популярную эмблему любовников» [7]. Реализация этого символического потенциала позволяет рассматривать пару Лютня — Давид как своего рода влюбленных (характерна и датировка 14 февраля). Имплицитная обращенность к Б. Пастернаку подтверждает наличие в поэтическом тексте кодов любовного послания. Согласно утверждению И. Шевеленко, «Лютня» входит в неканонический «цикл» «Стихи к Вам», присланный Б. Пастернаку. «К этому «циклу» справедливо отнести, по крайней мере, все стихотворения, включенные Цветаевой в рукописную подборку (одиннадцать листов, заполненных с двух сторон), крайние даты которой 7 февраля и 16 октября 1923 года» [11, с. 252]. Характеризуя лирику, обращенную к Б. Пастернаку, М. Цветаева в письме, написанном в один день с «Лютней», замечает: «Это прорвалось как плотина. Стихи к Вам. И я такие странные вещи в них узнаю. Швыряет, как волны. Вы *утомительны* в моей жизни, голова устаёт, сколько раз на дню ложусь, валюсь на кровать, *опрокинутая* всей этой черепной, межреберной разноголосицей: строк, чувств, озарений, — да и просто шумов. Прочтете — проверьте. Что-то встало, и расплылось, и кончать не хочет, — я унять не могу. Разве от *человека* такое бывает?! Я с человеком в

себе, как с псом: надоел — на цепь. С ангелом (аггелами) играть трудно. <...> (и вот уже стих: С аггелами — не игрывала!)» [10, с. 235–236].

Не случайно сама М. Цветаева подчеркивает созвучие наименования злых духов — аггелов и ангелов, чьим инструментом в искусстве часто выступает лютня. Смысловое сближение злых духов и ангелов позволяет акцентировать пограничность состояния *лирического «я»-Лютни*. Погружение в бессознательное способствует тенденции «ассоциировать слова в соответствии с их звучанием, т. е. в соответствии со сходством между <...> акустическими образами» [4, с. 75]. Для М. Цветаевой же это созвучие открывает возможность углубиться в познание скрытой природы Лютни — *духа Музыки*. Страстная неистовость Лютни и тяготение к одержимости для М. Цветаевой не просто отголосок нищезанятия, а стремление к постижению трагичности поэтического дара. Одержимость, влекущая к неизбежному срыву, определяет силу творческого потенциала, становится реализацией пассионарности, задает интенсивность переживания.

Идея срыва как возможность реализации подлинного чувства связывается в сознании М. Цветаевой с Б. Пастернаком. Достаточно вспомнить строки из другого ее письма 1926 года: «Борис, Борис, как мы бы с тобой были счастливы — и в Москве, и в Веймаре, и в Праге, и на этом свете и особенно на том, который уже *весь в нас*. <...> Я <терпеть?> не могу присутствия и ты не можешь. Мы бы спелись. <...> Родной, срывай сердце, наполненное мною. Не мучься. Живи» [10, с. 266–265]. Высказывание свидетельствует о том, что срыв в восприятии поэтессы расценивается многозначно. Срыв может означать обреченность, предельную реализацию потенциала и даже освобождение, а зачастую включать весь смысловой спектр.

Наличие в тексте стихотворения авторских кодов способствует моделированию смыслопорождения. Символика лютни обретает многомерность, доминантами символики становятся *дух Музыки*, *женское начало* и *предельная трагическая страстность*. И если Лютня воплощает в нищезанятском ключе дух Музыки, то Давид дающий ей воплощение, оказывается

инструментом и не может совладать с Лютней — Музыкой — Безумицей. Учитывая гендерный статус автора и обращенность стихотворения к Б. Пастернаку, Лютня предстает символическим *альтер эго женщины-поэта* в контексте авторского мифа М. Цветаевой.

Перспективы дальнейшего исследования открываются в плане более тщательного изучения авторской символики М. Цветаевой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Греймас А. Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души / А. Ж. Греймас, Ж. Фонтаний ; [пер. с фр. И. Г. Меркуловой]. — М : ЛКИ, 2007. — 336 с.
2. Ельницкая С. Две «Бессонницы» Марины Цветаевой / С. Ельницкая // Marina Tsvetaeva: One Hundred Years : Материалы симпозиума. 1994. — Published by Berkeley Slavic Specialties, Oakland, California, 1994. — С. 91–110.
3. Книги Ветхого завета. Первая Книга Царств : Глава 16 // Библия : Книги священного писания Ветхого и Нового завета [канонические]. — М. : Издание Московской Патриархии, 1989. — С. 307–308.
4. Кюглер П. Алхимия дискурса / П. Кюглер // Алхимия дискурса. Образ, звук и психическое. — М. : ПЕР СЭ, 2005. — С. 3–119.
5. Мамардашвили М. К. Символ и сознание / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. — М. : Языки русской культуры, 1997. — 224 с.
6. Михайлова Т. А. Шиле-на-гиг: к проблеме многозначности символа // Современная семиотика и гуманитарные науки / [отв. ред. Вяч. Вс. Иванов]. — М. : Языки славянских культур, 2010. — С. 211–221.
7. Тресиддер Дж. Лютня [Электронный ресурс] / Дж. Тресиддер // Словарь символов. — Режим доступа к ист. : http://albooking.net/book_126_glava_312__LJUTNJA.html
8. Фарино Е. Введение в литературоведение : [учебное пособие] / Е. Фарино. — СПб. : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. — 639 с.
9. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 2 : Стихотворения; Переводы / [сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина]. — М. : ТЕРРА — Книжный клуб; Книжная лавка — РТР, 1997. — 592 с.

10. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6, кн. 1. : Письма / [сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина]. — М. : ТЕРРА — Книжный клуб; Книжная лавка — РТР, 1998. — 336 с.
11. Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой : Идеология — поэтика — идентичность автора в контексте эпохи / И. Шевеленко. — М. : Новое литературное обозрение, 2002. — 464 с.
12. Энциклопедия символики и геральдики [Электронный ресурс]. — Режим доступа к ист. : <http://wiki.simbolarium.ru/index.php/Лютня>
13. Nasty O. P. Tsvetaeva's Orphic Journey in the Worlds of the Word / O. P. Nasty. — Evanston : Illinois, 1996. — 267 p.

Стаття надійшла до редакції 16 листопада 2013 р.